

М. В. Пулькин

ИКОНОПОЧИТАНИЕ В ОЛОНЕЦКОЙ ЕПАРХИИ: ЗАКОН И ТРАДИЦИЯ (XIX — НАЧАЛО XX века)

Проблемы почитания святых образов сегодня становятся значимым, активно развивающимся и актуальным аспектом церковно-исторических исследований¹, но сохраняются существенные сложности в выявлении источников по данной теме. В материалах делопроизводства консистории, других органов власти информация об иконопочитании достаточно скудная. Этот вопрос сравнительно слабо интересовал духовную власть, а усилия этнографов-современников событий были направлены преимущественно на изучение языческих пережитков в почитании икон². На основании имеющихся данных крайне трудно систематизировать «варианты иконных наборов», существующие в разных приходах³, изучить состав местных иконостасов⁴, не всегда удается проследить пути поступления икон в дома верующих и приходские храмы⁵. Весь круг проблем, связанных с иконопочитанием, невозможно отразить ни в небольшой статье, ни в фундаментальной монографии. Целью данной работы является изучение многообразных проблем, возникающих при столкновении приходских традиций и церковного законодательства, решений местной духовной власти и воли крестьянского мира, основанной на многовековой православной традиции, в вопросе о присутствии святых образов в повседневной жизни.

Церковное законодательство предусматривало и поощряло приношения в пользу Церкви, которые могли осуществляться в виде денег или «вообще движимых

¹ Шенникова Л. А. Силы небесные: иконография и литургические тексты // Восточнохристианский храм. Литургия и искусство. — СПб., 1994. — С. 179–187; Цеханская К. В. Иконы в народной жизни // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв.: Итоги этнографических исследований. — М., 2001. — С. 300–315.

² Балов А. Следы древних верований в народном иконопочитании // Живая старина. 1891. — Т. 1. — № 3. — С. 45–76.

³ Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. — СПб., 2005. — С. 209.

⁴ Платонов В. Г. Иконостас церкви св. Варвары в деревне Яндомозеро // Народное зодчество: Сборник научных трудов. — Петрозаводск, 1992. — С. 177–190.

⁵ Тарасов О. Ю. Икона и благочестие. Очерки иконного дела в императорской России. — М., 1995. — С. 20, 31, 165.

имуществ: образов, окладов и других вещей»⁶. Закон закреплял существующие издавна, стихийно сложившиеся нормы поведения верующих. Известно, что подавляющее большинство икон, о которых сохранились сведения, когда-то были пожертвованы приходским храмам или отреставрированы за счет прихожан. Так, в 1879 г., по сведениям из отчета олонекского благочинного, неизвестный благотворитель из Санкт-Петербурга и крестьяне Ильинского прихода совместными усилиями «возобновили чрез новую живопись ветхие и не совсем правильно писанные иконы», позолотили иконостас, «с употреблением ими от своих средств на это святое дело более двух тысяч рублей»⁷. Другой благотворитель, петербургский купец В. Б. Богданов, пожертвовал церкви Горского прихода икону Святителя Николая, «писанную на золотом фоне с чеканкою в киоте за стеклом»⁸. Это типичные ситуации приходской истории.

Проблемы реставрации древних икон приобретали особую остроту в связи с заметным дефицитом святых образов и их недоступностью для бедных церквей. Известно, что на европейском Севере России на протяжении веков существовал собственный иконописный стиль, сформировавшийся под сильным влиянием Великого Новгорода. Вполне допустимо предположить, что первые иконы проникли на Север вместе со священниками-выходцами из Новгорода: «Воспринимая веру, север воспринимал от Новгорода великолепные памятники этой веры — иконы»⁹. Остатки новгородского влияния, по утверждению С. Дурылина, сохранялись в XIX — начале XX в. двояко: в виде самих икон и икон особого северного письма, «своего рода “малого” стиля, порожденного “большим” — новгородским»¹⁰. Специфические черты собственного карельского стиля создания иконописных образов в настоящее время стали предметом внимания искусствоведов¹¹. В то же время начало XIX столетия «было отмечено сокращением строительства храмов и уменьшением иконописных заказов на большинстве территорий Русского Севера — в Архангельской, Вологодской, Вятской губерниях»¹². При этом Олонецкая епархия даже на этом фоне выглядела наихудшим образом: здесь не было собственного крупного центра иконописи, как например, в Великом Устюге¹³. Насущная и имеющая явную тенденцию к росту потребность крестьян в иконах удовлетворялась за счет привоза из других местностей и благодаря работе небольших деревенских мастерских, в которых мастер трудился со своей семьей, подмастерьями или учениками.

С течением времени ситуация менялась, причем не всегда в лучшую сторону. В распространении икон стремительно усиливались коммерческие тенденции. Святые образа стали объектом торговли наряду с потребительскими товарами, что ощутимо

⁶ Александров Н. Сборник церковно-гражданских постановлений в России, относящихся до лиц православного духовенства. — СПб., 1860. — С. 123.

⁷ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 1. Д. 60/1. Л. 49.

⁸ Там же. Л. 49, об.

⁹ Дурылин С. Древнерусская иконопись и Олонецкий край. — Петрозаводск, 1913. — С. 8.

¹⁰ Там же.

¹¹ Ямщиков С. В. Древняя живопись Карелии. — Петрозаводск, 1986. — С. 52–53.

¹² Плаксина Н. Е. Сведения об иконописцах и резчиках Великого Устюга по документам церкви Яренского и Усть-Сысольского уездов Вологодской губернии (первая половина XIX в.) // Историко-культурное наследие Русского Севера. Проблемы изучения, сохранения и использования: Материалы IX Каргопольской научной конференции. — Каргополь, 2006. — С. 423.

¹³ Там же. С. 423–424.

повлияло на качество их исполнения. В современных исследованиях подчеркивается мысль о том, что «икона пишется не с эстетическими целями, она предназначена прежде всего для молитвы»¹⁴. Однако у местной епархиальной власти имелся собственный взгляд на эту проблему. В документах духовной консистории содержатся свидетельства о том, что подавляющее большинство местных икон представляли собой жалкое зрелище, содержали неканонические и мирские изображения. Их происхождение оставалось сомнительным: по данным середины XIX в., по епархии разъезжали профессиональные торговцы иконами, бесконтрольно продающие образа всем желающим. В их деятельности отмечались серьезные злоупотребления. По данным за 1859 г., в Каргопольском уезде торговцы святынями по высокой цене продавали старообрядцам «зачерневшие иконы», выдавая их за древние¹⁵. Изготовление новых образов осуществлялось на непрофессиональном уровне и приобретало характер сезонного промысла.

Вскоре на эту проблему обратило внимание губернское и епархиальное начальство. В 1865 г. протоиерей Федор Рождественский обнаружил на петрозаводской ярмарке «не только грубые, но и суетумудренные иконы», которые привозятся из Владимирской губернии и «свободно выставляются на рынке и продаются без всякого освидетельствования местной духовной цензуры». Здесь же, утверждал протоиерей, «раскольнические иконы, картины и книги и тайно продаются за большие деньги»¹⁶. По распоряжению архиепископа Аркадия представители местного духовенства осмотрели лавки торговцев иконами и установили, что все образа написаны в разных деревнях Владимирской губернии, «отличаются отсутствием всякого искусства и эстетичности, а равно грубыми приемами». Но это, утверждали составители документа, «составляет общую черту всех живописных работ и картин, продающихся везде по самым дешевым ценам». Ничего предосудительного в исследованных иконах местные церковники не обнаружили, и дело было закрыто¹⁷.

Даже церковная печать не скупилась на горестно-иронические характеристики некоторых икон: «Спаситель <...> подносит к устам одного из учеников святую чашу, нарисованную художником так неискусно, что она представляет скорее большую бутылку»¹⁸. В Мошинском приходе Каргопольского уезда в числе примечательных икон обнаружилась икона св. Христофора, на которой мученик был изображен «в стоячем положении с осьмиконечным крестом в руке и головой собаки, очень неискусно нарисованной — а волосы на голове длинные человеческие»¹⁹. Эти данные вполне соответствуют представленному в епархиальной прессе впечатлению от посещения некоторых местных сельских храмов. Так, посетив в начале XX в. Чуриловский приход Вытегорского уезда, современник описываемых событий составил тягостное впечатление: «Закоптелые стены, закоптелые и почерневшие до неузнаваемости лики святых на иконах и самый иконостас облезший с облупившейся и потемневшей позолотой <...> все это было так неопрятно, так некрасиво, что зайдя в храм чувствовалось,

¹⁴ Лепяхин В. Икона и иконичность.— Сегед, 2000.— С. 100.

¹⁵ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 8. Д. 7/3. Л. 7.

¹⁶ Там же. Д. 13/24. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 5.

¹⁸ Островский Д. Село «Видана» // Олонецкие епархиальные ведомости.— 1900.— № 12.— С. 460.

¹⁹ П. Мошинский приход, Каргопольского уезда // Олонецкие епархиальные ведомости.— 1907.— № 3.— С. 76.

что нет живой и любящей души, могущей позаботиться о большем благолепии сего святого места»²⁰. Правда, к 1911 г. ситуация резко изменилась: новый священник, о. П. М. Герасимов, изыскал средства на ремонт храма и новый иконостас²¹.

Картина, которая отмечалась в приходах буквально накануне и в первые годы XX в., была явно удручающей. Множество икон не соответствовали церковным правилам, и епархиальная власть оказалась бессильна. Собравшиеся на епархиальный съезд духовенства сельские священники с любопытством разглядывали художественно, со знанием дела написанные иконы. Ведь «многие сельские батюшки, особенно молодые, мало видали, или вернее, совсем не видали художественно выполненных св. икон»²². В Гимольском приходе, судя по его описанию, составленному в 1900 г., в иконостасе по бокам «расположены старые иконы, оставшиеся от прежней церкви. В прежний храм они попали «из Петрозаводского кафедрального собора, куда оне были вывезены из Даниловского раскольнического скита»²³. Более пристальное и квалифицированное изучение иконостасов местных храмов позволило выявить еще больший перечень недостатков. В 1906 г. была опубликована статья известного олонецкого исследователя церковного прошлого Н. Шайжина, который вполне объективно и со знанием дела отнесся к проблеме обеспечения местных церквей необходимыми и соответствующими церковным канонам иконами. Он указывал, что в настоящее время «наши художники иконописцы в большей или меньшей степени являются подражателями, а нередко и просто копиистами произведений западных художников и вместе с ними отдают и особенно прежде отдавали неуместному в нашем церковном искусстве крайнему реализму». Часто «умильными» изображались те лица, которые таким душевным свойством явно не обладали. Так, «умильными» иконописцы изображали палачей, избивающих вифлеемских младенцев или воина, пронзающего копьем тело Спасителя. Подчеркивая распространенные недостатки икон, Н. Шайжин обращал внимание на изображение ангелов в виде амуров, неуместную тучность фигур святых. Неблагоприятную картину завершало сочетание разных стилей и эпох в иконописном оформлении приходских храмов²⁴.

Выход из создавшегося положения епархиальное начальство видело в усилении контроля над имеющимися в местных приходских храмах иконостасами и набирающей обороты торговлей образами. Этот контроль стал частью государственных мероприятий, нацеленных на усиление «государственного попечительства и контроля за иконой и иконным делом»²⁵. Так, в мае 1744 г. появился указ, предписывающий содержать святые иконы «во всякой чистоте», «почасту» обмывать их, реставрировать закоптелые образа²⁶. В XIX в. надзор стал более пристальным и предполагал посте-

²⁰ Вещезеров А. Освящение придела во имя св. и чуд. Николая в Чуриловском приходе, Вытегорского уезда // Олонецкие епархиальные ведомости.— 1911.— № 7.— С. 110.

²¹ Там же.

²² Местная епархиальная хроника // Олонецкие епархиальные ведомости.— 1900.— № 4.— С. 146.

²³ Надпорожский П. Гимольский приход, Повенецкого уезда // Олонецкие епархиальные ведомости.— 1900.— № 6.— С. 226.

²⁴ Шайжин Н. Современное русское иконописание // Олонецкие епархиальные ведомости.— 1906.— № 10.— С. 402.

²⁵ Тарасов О. Ю. Икона и благочестие. Очерки иконного дела в императорской России. С. 39.

²⁶ О содержании поселянам в домах их святых икон в чистоте // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания. Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны.— СПб., 1907.— Т. 2.— № 619.— С. 98–99.

пенное формирование кадров профессиональных иконописцев, более или менее придерживающихся церковных канонов. Некоторые надежды возлагались на монастыри, уровень богословской подготовки насельников которых был несомненно выше, чем у ремесленников-крестьян. В некоторых монастырях иконопись стала своеобразным промыслом. Так, посетив в 1883 г. Важеозерский монастырь, известный геодезист В. В. Витковский следующим образом описывал занятия монахов: «В досужее время монахи шьют себе одежду, малюют образки на продажу, плетут рыболовные сети»²⁷. Происхождение многих других икон, перед которыми молились местные крестьяне, вовсе оставалось неизвестным.

Необходимость решения назревшей проблемы стала очевидной, и духовное начальство решило переломить ситуацию. В 1900 г. съезд благочинных Олонецкой епархии обсуждал вопрос о «наблюдении за продажей икон крайне небрежного и неправильного письма». Съезд констатировал, что по епархии «разъезжают продавцы разных икон». При этом лики святых, «изображенные на сих иконах, совсем не напоминают сих святых». Более того, «кто написан на иконе, можно узнать только по надписи. Переменить надпись — и на той же иконе будет другой святой». Съезд рекомендовал духовенству «завести при церквях продажу икон», убеждать прихожан не покупать безобразные иконы и в том случае, «если приносят их для освящения», отказывать им в этом²⁸. Другой способ решить наболевший вопрос виделся в подготовке иконописцев в местной семинарии из числа представителей приходского духовенства²⁹. К 1900 г. эта задача активно выполнялась: занятия иконописью были «поставлены на твердую почву», приобретены краски и мольберты, а число обучающихся живописи составило 30 человек³⁰. К 1907 г. епархиальное церковное братство наладило распространение в сельских приходах «недорогих, но правильного письма икон»³¹. Епархиальный съезд духовенства настоятельно просил местное начальство «воспретить, особенно в корельских приходах, развозку и продажу образов крайне неискusного (владимирского) письма и принять меры к распространению в сих приходах икон из склада Братства преподобного Александра Свирского»³².

Документы фиксируют случаи приобретения икон специально для сохранения памяти о том или ином примечательном событии в жизни страны, никак явно не связанном с иконописным сюжетом. Так, в 1879 г. крестьяне Устьмошского прихода Каргопольского уезда совместно с приходским духовенством приобрели для своей церкви икону святого Александра Невского специально «по случаю спасения жизни государя императора». Отныне перед этой иконой 19 ноября, в день памяти благоверного князя, совершалась литургия и молебен за здравие царя³³.

²⁷ Цит. по: Пашков А. М. Шелтозерье конца XIX в. глазами В. В. Витковского // Историко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни местного сообщества. — Петрозаводск, 2008. — С. 64.

²⁸ Из постановлений благочиннического съезда Олонецкой епархии, бывшего в г. Каргополе // Олонецкие епархиальные ведомости. — 1900. — № 7. — С. 263–264.

²⁹ Островский Д. Село «Видана» // ОЕВ. — 1900. — № 12. — С. 458.

³⁰ Скворцов В. Из жизни петрозаводских духовно-учебных заведений // Олонецкие епархиальные ведомости. — 1900. — № 13–14. — С. 515.

³¹ От Совета Олонецкого епархиального церковного братства // Олонецкие епархиальные ведомости. — 1907. — № 1. — С. 3.

³² Постановление Олонецкого Епархиального начальства (от 4–10 мая за № 128) // Олонецкие епархиальные ведомости. — 1907. — № 14. — С. 277.

³³ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 1. Д. 60/1. Л. 19, об.

Отправляясь на войну с Японией, «нижние чины» из Вытегорского уезда решили пожертвовать в местный Вознесенский храм образ Казанской Божией Матери³⁴. Не только значимые события жизни страны или отдельной местности сохранялись и обретали новый смысл благодаря приобретению икон. Семейные события также запечатлевались в тех или иных образах. Известно, что особое место в сакрализованном мире русского крестьянина отводилось «благословенным» иконам, т. е. иконам, полученным от родителей на свадьбе или в какие-либо другие особо важные моменты жизни³⁵.

Пожертвование иконы для «благоукрашения» той или иной приходской церкви к началу XX в. стало столь же распространенным явлением. При этом нередко иконы жертвовали или украшали «в память о прошедших жизненных событиях»³⁶. Так, в 1912 г. крестьяне-неводники Тулоцкого прихода подарили своему храму образ Николая Чудотворца, «писанный на дереве по золотистому фону», церковный староста Вытегорской Покровской церкви крестьянин В. Ф. Потанин пожертвовал храму иконы Воскресения Христова и двенадцатых праздников, а настоятель Валаамского монастыря подарил Лужминской церкви Повенецкого уезда икону «Святцы»³⁷. Мотивы выбора той или иной иконы, а также церкви, которой она предназначалась, в большинстве случаев остаются неясными. Срабатывала общая закономерность: «Распространенность, преобладание и почитание икон с изображением определенных событий, символов и святых, свидетельствуют о живой народной вере в эти события, в заступничество этих святых»³⁸. Однако карельские народные представления об иконах отличались своеобразием: «Карелы, молясь на иконы, обращались не только к Богу и святым, но и к своим покойным предкам»³⁹.

Духовная консистория внимательно отслеживала все возможные пути происхождения икон и поступления их в храмы. Она пресекала попытки старообрядцев распространять иконы, в чем-либо не соответствующие принятым в господствующей церкви образцам. Имеющиеся дела связаны преимущественно с Повенецким уездом, где длительное время располагалось Выговское старообрядческое общежитие, способное оказывать влияние на местное население, в том числе и путем распространения написанных по старообрядческим канонам икон. На Выгу в XVIII в. «была создана собственная иконописная школа»⁴⁰. Иконописание осуществлялось и за пределами старообрядческого общежития. Так, в 1855 г. священник Лексинского погоста указывал в своем объяснении благочинному, что в его приходе обнаружилась написанная неизвестным мастером икона, на которой в верхней части располагалось изображение Спасителя, а в нижней — канонизированных

³⁴ Георгиевский Н. Икона Казанской Божией Матери — дар запасных нижних чинов Вытегорского уезда, Марковский храм // Олонецкие епархиальные ведомости. — 1906. — № 1. — С. 28.

³⁵ Листова Т. А. Религиозно-общественная жизнь: представления и практика // Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. — М., 2004. — С. 712.

³⁶ Цеханская К. В. Иконы в жизни русского народа. — М., 1998. — С. 73.

³⁷ О пожертвованиях, поступивших в церкви епархии // Олонецкие епархиальные ведомости. — 1912. — № 1. — С. 4–5.

³⁸ Дурылин С. Древнерусская иконопись и Олонецкий край. — Петрозаводск, 1913. — С. 8.

³⁹ Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел. Конец XIX — начало XX в. — Л., 1985. — С. 61.

⁴⁰ Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература: В 2 т. — М., 2002. — Т. 1. — С. 173.

старообрядцами наставников. Икона была конфискована, а священник обвинен в небрежном исполнении своих обязанностей. Как говорилось в выписке из журнала консистории, он «по званию пастыря и долгу священного сана обязан был сам, без всякой просьбы, предварить земскую полицию о продаже соблазнительных икон, в пресечение зла, могущего от сего произойти»⁴¹. В 1860 г. повенецкий исправник сообщил губернатору, что местный раскольник Т. Г. Кичулин, «состоящий под надзором полиции», «занялся сам и через других иконописцев заготовлением икон в духе раскола». Не зная, может ли старообрядческий иконописец заниматься своим ремеслом, исправник запрашивал инструкции о том, что следует предпринять. Полученное распоряжение не оставляло сомнений: светская власть считала проблему распространения старообрядческих икон серьезной угрозой православию и стремилась во что бы то ни стало остановить этот процесс. Все иконы, автором которых являлся Т. Г. Кичулин, исправник конфисковал по распоряжению губернатора, а за старообрядцами был установлен строгий надзор⁴². Помимо полицейских мер (конфискация икон, написанных с нарушениями существующих канонов), использовались «рыночные методы»: продажа по низким ценам тех святых образов, которые вполне соответствовали устоявшимся, каноническим нормам. Так, в 1914 г. Александро-Свирское братство указывало в своем отчете, что в числе приоритетных видов его деятельности числится «устройство складов и распространение чрез книгонош книг, брошюр, икон, крестиков и картин религиозно-нравственного содержания»⁴³. Иногда в почитании икон, перед святым ликом примирялись приверженцы тех открыто враждующих конфессий, для которых совместная молитва в других ситуациях оставалась невозможной. Некоторые иконы находились как бы в совместном пользовании старообрядцев и приверженцев господствующей церкви. Так, в 1859 г. старообрядцы Ольховского прихода Каргопольского уезда были возмущены действиями местного причта, который якобы подменил находящуюся в церкви древнюю икону более поздней подделкой, поклоняться которой старообрядцы не могли. Расследование, однако, опровергло их подозрения. В церкви находилась подлинная икона, написанная до патриарха Никона⁴⁴.

Из сказанного видно, что иконопись стала одной из важных сфер, в которой проявлялось воздействие духовной власти на жизнь православного прихода. Внимание к внешнему облику икон, источникам их происхождения вовсе не было случайностью. Оно связано с тем влиянием, которое иконы оказывали на повседневную религиозную жизнь. Каждая из икон, имеющих в домах и церквях Олонецкой епархии, становилась предметом почитания, которое выражалось в более или менее сложных обрядах. Это, прежде всего, молитва перед иконой каждый день и в особых случаях — трудных ситуациях в жизни отдельного человека или сообщества. С иконами совершались крестные ходы. Как писал архиепископ Вениамин, «подъемлем и износим из храмов честные иконы для того, чтобы освятились и люди, и все потребное в их жизни, т. е. дома, пути, воздух и земля, оскверняемая нами и попираемая нашими ногами, для того, чтобы весь обитаемый нами

⁴¹ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 8. Д. 3/11. Л. 7.

⁴² Там же. Ф. 1. Оп. 46. Д. 28/771. Л. 1.

⁴³ Александро-Свирское братство Олонецкой епархии в 1911–1913 гг. // Олонецкие епархиальные ведомости. — 1914. — № 1. — С. 10.

⁴⁴ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 8. Д. 7/3. Л. 3.

град и страна причастились божественной благодати, отвергнув все губительное и тлетворное»⁴⁵.

Материалы, связанные с Олонецкой епархией, в полной мере позволяют выявить местные традиции иконопочитания, сохраняющиеся при проведении крестных ходов. Так, в мае 1914 г., накануне Троицына дня, в Челмужском приходе был организован крестный ход к одной из местных часовен. Священник и прихожане, взяв икону преподобного Александра Свирского и положив ее на носилки, «нарочито для того устроенные» направился к близлежащей часовне «с пением тропаря и запевов преподобному». По пути «на величание, чтение евангелия и целование иконы преподобного были деланы остановки». После богослужения «икона преподобного была обнесена вокруг храма, а молящиеся в это время проходили под икону»⁴⁶. Появление каждой новой иконы в храме превращалось в праздник, частью которого становился крестный ход, торжественные богослужения, произнесение проповедей, пение акафистов. Прежде всего, это касается особо почитаемых икон — тех, в частности, которые освящены на святых мощах. Так, в 1915 г. Александро-Свирский монастырь пожертвовал церкви Вешкельского прихода образ прп. Александра, Свирского чудотворца, освященный на мощах преподобного⁴⁷. Перенесение иконы до Вешкельской церкви превратилось в многодневный церковный праздник, которым были охвачены все население деревень и городов по пути следования процессии со святым ликом.

Говоря о влиянии икон на повседневную жизнь православных верующих, можно утверждать, что почитание святых образов имело двоякую форму. С одной стороны, иконы, находящиеся в храме, пользовались всенародным почитанием, многие из них были широко известны как чудотворные. Благодаря древним иконам возрастало духовное значение существующих, имеющих многовековую историю монастырей. Они, по мнению Святейшего Синода, привлекали в обители многочисленных богомольцев: «Святыни монастырей — люди и чудотворные иконы <...>, создававшиеся в последнее время проповеди за службами, особые назидательные беседы некоторых иноков с богомольцами перед исповедью и причащением <...> главное же — возможность сосредоточено поговорить, помолиться, подумать о спасении, очистить свою совесть на исповеди — все это привлекает в монастырь множество богомольцев, особенно в посты»⁴⁸. С другой стороны, имел место вариант культа икон в рамках крестьянского дома. Оба эти варианта не оставались изолированными. Одним из важных обрядов стало хождение духовенства со святыми иконами из приходского храма по крестьянским жилищам. Аналогичные особенности почитания икон наблюдались и в городах. Так, по данным 1879 г., обитатели всех приходов г. Каргополя «имеют обыкновение вносить в свои дома святые иконы Казанской Божией Матери, Покрова Богородицы, Николая Чудотворца, Александра Ошевенского и другие для служения молебнов»⁴⁹.

⁴⁵ Вениамин (архиепископ). Новая скрижаль. Полное объяснение всех церковных служб, обрядов, молитвословий и предметов церковного обихода. — СПб., 1909. — С. 530–531.

⁴⁶ Крестный ход в Челмужском приходе Повенецкого уезда 25–26 мая 1914 года // Олонецкие епархиальные ведомости. — 1914. — № 25. — С. 593–594.

⁴⁷ Венустов И. В. Перенесение святой иконы преп. Александра Свирского Чудотворца из г. Петрозаводска в Вешкельский приход // Олонецкие епархиальные ведомости. — 1915. — № 31. — С. 583.

⁴⁸ Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1911–1912 гг. — СПб., 1913. — С. 104.

⁴⁹ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 1. Д. 60/1. Л. 196, об.

Одновременно в Олонецкой епархии сохранялась традиция, согласно которой прихожане «приносили в храм свои собственные образа и перед ними молились»⁵⁰.

Иконы в крестьянском доме оказывали несомненное влияние на поведение каждого прихожанина. «Дом христианина был домашней церковью, освященной святыми иконами»⁵¹. Приобщение ребенка к православной вере происходило благодаря обращению к иконе⁵². В дальнейшем иконопочитание сопровождало каждого верующего в течение всей жизни. Ведь «икона — столько же памятник искусства и старины, сколько еще больше памятник народной веры и народного религиозного сознания»⁵³. Действовала древняя традиция, которая предписывала стиль поведения в отношении образов. Почти в каждом крестьянском доме «хранилась родовая икона, которой благословляли в самых важных случаях»⁵⁴. Отношение к таким иконам было особым. Так, по сведениям из Водлозерского прихода, «иконы, которые находятся в доме, кладутся в красный угол раз и навсегда. В божницу в качестве жертвы кладут деньги, использовать которые не рискуют даже в трудные для семьи времена. Тяжким грехом считается обидеть икону даже ненароком»⁵⁵. Перед отъездом в дальнюю дорогу вся семья собиралась перед домашней иконой⁵⁶. Икона использовалась и для лечения различных заболеваний. Так, распространенным способом лечения детей «было их умывание водой, слитой с “приданной” иконы, полученной в наследство»⁵⁷. В то же время почитание тех святых, имя которых носили верующие, не стало к началу XX в. общераспространенным. Более того, епархиальная печать призвала активнее внедрять обычай молитвы своему святому соименнику, «который пред престолом Господним молится о нас». Первым шагом на этом пути могло бы стать «приобретение изображений того святого или святой, имя которого носят православные»⁵⁸.

Многие иконы пользовались особой известностью и почитанием верующих, придавали особый статус тем местам, где они находились и считались чудотворными. Здесь возникали серьезные сложности, обусловленные общими закономерностями жизни прихода: «подлинным, а потому и законным, с точки зрения духовных властей, могло быть лишь чудо, санкционированное церковью»⁵⁹. В народном

⁵⁰ Докучаев-Басков К. А. Церковно-приходская жизнь в городе Каргополе в XVI–XIX вв. — М., 1900. — С. 15.

⁵¹ Цеханская К. В. Иконы в жизни русского народа. — М., 1998. — С. 112.

⁵² Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX — начале XX в. — СПб., 2007. — С. 64.

⁵³ Дурылин С. Древнерусская иконопись и Олонецкий край. С. 8.

⁵⁴ Цеханская К. В. Иконы в жизни русского народа. С. 135.

⁵⁵ Червякова Н. В. «Вера крещеная» и «заветная» земля: чему и как поклонялись водлозеры // Национальный парк Водлозерский: природное разнообразие и культурное наследие. — Петрозаводск, 2001. — С. 287.

⁵⁶ Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. — СПб., 1993. — С. 72.

⁵⁷ Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX — начале XX в. — СПб., 2007. — С. 50.

⁵⁸ Об обязательности для православного христианина особенного почитания того святого, имя которого он носит, и приобретения его иконы // Олонецкие епархиальные ведомости. — 1915. — № 33. — С. 634.

⁵⁹ Листова Т. А. Религиозно-общественная жизнь: представления и практика. С. 719.

понимании «любое обнаружение иконы в каком-либо неожиданном месте могло быть понято как явление»⁶⁰. С таким упрощенным подходом Церковь не могла мириться. Все явления икон становились предметом внимания местной духовной власти. Так, вырозерский священник С. Ильинский в 1886 г. обнаружил в своем приходе «при доме крестьян Овчинниковых икону Божией Матери Троеручицы». Как выяснилось, икона «древняя, именуемая местными и окрестных приходов жителями чудотворною». Помолиться перед ней приходили крестьяне из разных мест, «даже и из Повенецкого уезда, принося с собою пожертвования деньгами, восковыми свечами, полотенцами, холстом и прочим». Все эти приношения крестьяне Овчинниковы «употребляли в свою пользу», и настойчивые просьбы причта поделиться и отдать часть пожертвований в пользу приходской церкви не имели успеха. Становой пристав провел следствие, которое лишь подтвердило правоту священника. Кроме того, крестьяне заявили, что «они отдать икону в приходскую церковь не согласны»⁶¹. Меры были приняты незамедлительно. Консистория ссылалась на синодальный указ от 21 февраля 1722 г., согласно которому «иконы, оглашаемые чудотворными, должны быть немедленно отбираемы и поставляемы в ризницы кафедральных соборов». Новый указ Синода, датированный 14 мая 1878 г., говорилось далее в журнале консистории, предписывал, «чтобы духовенство, в случае оглашения каких-либо икон чудотворными, не оставляло их в своих церквях и не совершало перед ними священнодействий, а немедленно доложило о сем епархиальному начальству». В итоге икона была отобрана и оказалась в ризнице петрозаводского кафедрального собора⁶².

Данный случай стал исключением. Традиция редко вступала в противоречие с законодательными нормами. Это особенно отчетливо проявилось в почитании святых. Жители разных мест Олонецкой епархии особо почитали древние образа Николая Чудотворца. Как говорилось в отчете каргопольского благочинного за 1879 г., «большая часть прихожан соблюдает обычай, отправляясь в дальний путь или куда-либо на заработки и потом, возвращаясь домой, служить молебны в храме святому Николаю»⁶³. Эта закономерность в полной мере отражается на иконопочитании. Так, в Каргополе, в древней Воскресенской церкви, располагалась икона, пожертвованная по завещанию купца Г. С. Мохнаткина. Другая почитаемая каргопольская икона святителя Николая находилась в Святодуховской церкви. В Пудожском уезде чтимая верующими икона Николая сохранялась в бывшей Нигозерской пустыни. Примечательно, что эта икона была написана местным дьячком по заказу «известного расколоучителя» Корнилия, но ее почитали как старообрядцы, так и приверженцы господствующей церкви. В Торос-озере, неподалеку от Олонца, имелась собственная почитаемая икона Николая. Как полагали местные жители, она чудесным образом помогает и при болезнях, и в трудных жизненных ситуациях: «Местные и окрестные, даже дальние, жители дают в трудные минуты жизни, в особенности при болезнях зубов и глаз, обещания молиться перед явленным Торос-озерским образом святого Николая». Почитание иконы подкреплялось рядом чудесных исцелений. По утверждению епархиальной печати, «многие действительно получали

⁶⁰ Тарасов О. Ю. Икона и благочестие. Очерки иконного дела в императорской России. С. 55.

⁶¹ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1. Оп. 10. Д. 71/34. Л. 1–1, об.

⁶² Там же. Л. 2, 14.

⁶³ Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 60/1. Л. 22, об.

выздоровление»⁶⁴. В Лодейном Поле особым почитанием также пользовалась икона Николая Чудотворца. При строительстве новой церкви местный культ принимался во внимание. Как говорилось в деле о возведении храма, «место это избрано для храма как по красоте своей и удобству, так и потому, что была уже часовня, в коей находился образ Святителя Николая Чудотворца и население чтит этот образ за чудотворный, по народному преданию»⁶⁵.

В сельских приходах имелись собственные святыни: у олонецких крестьян ряд икон пользовался особым почитанием. Так, в Виданском приходе, в одной из местных часовен, находилась икона во имя св. Николая. От множества других часовен во имя этого же святого она отличалась расположенным неподалеку от нее камнем «с углублением на нем, весьма похожим на отпечаток человеческой ступни». (Появление этого отпечатка приписывали святому Николаю, который, как полагали крестьяне, ходил по их полям.) Местные жители, обитатели соседних приходов и даже петрозаводчане приходили, чтобы помолиться перед местной иконой св. угодника Божия⁶⁶. В начале XX в. в Шимозерском приходе в одном из крестьянских домов «икона сама собою просветлела, очистилась от насевшей от времени пыли и грязи». Вскоре выяснилось, что икона чудотворная: «Некоторые из моливших пред сею иконою получили облегчение от болезней». Ее слава быстро облетела далекие и близкие селения: «Услыхав об этом, не только местные и окрестные поселяне, но и из дальних мест стали приходить богомольцы на поклонение иконе целыми толпами». По распоряжению епископа икону перевезли в кафедральный собор Петрозаводска⁶⁷.

Почитание Николая Чудотворца стало наиболее распространенным и устойчивым. Но этим иконопочитание в городах и селах Олонецкой епархии не исчерпывается. Так, в Повенце главной городской иконой стал образ Богоматери. Об этом свидетельствуют данные описания прихода, составленного повенецким благочинным в 1893 г.: «Жители города Повенца, — писал священник, — обнаруживают свое благочестие частым хождением в церковь, особенно в дни воскресные и праздничные, а также и в высокаторжественные, служением молебнов <...> и частым поднятием в дома свои из собора местной чтимой иконы Смоленской Божией Матери»⁶⁸. Иной стала судьба явленной иконы — «чудотворного лика св. великомученицы Параскевы», обнаруженной «благочестивой отроковицей» неподалеку от Вытегры. Здесь «благодать чудотворений, подобно дивному источнику истекающая от святой иконы, способствует молитвенному настроению». И поэтому «простой народ, оторвавшись от своих обычных занятий <...> коленопреклоненно, со слезами открывает здесь пред св. образом скорбь свою сердечную и пламенно молит Страстотерпицу предстательствовать пред Господом об избавлении от бед, болезней и напрасной смерти»⁶⁹.

⁶⁴ Шайжин Н. Слава святителя и чудотворца Николая в Олонецком крае. — Петрозаводск, 1909. — С. 15–17.

⁶⁵ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 4. Д. 43/22. Л. 12, об.

⁶⁶ Шайжин Н. Слава святителя и чудотворца Николая в Олонецком крае. С. 22–23.

⁶⁷ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 20. Д. 9/96. Л. 86, об.

⁶⁸ Там же. Оп. 2. Д. 25/1682. Л. 241.

⁶⁹ Волокостлавский А. Соединенный крестный ход 8 приходов 17-го благочиннического округа Олонецкой епархии к Параскевинской приписной церкви Тудозерского прихода Вытегорского уезда 17 и 18 июля // Олонецкие епархиальные ведомости. — 1914. — № 26. — С. 604.

Подводя итоги, можно отметить, что иконопись стала одной из сфер, где государственный контроль медленно, постепенно усиливался, приводя к каноническому единообразию в изображении святых, Христа и Богородицы. Но возможности местной духовной власти в ее вполне объяснимом желании скорректировать или даже искоренить существующие приходские традиции в сфере иконопочитания оставались незначительными. Во-первых, изгоняемым из торговли иконам следовало противопоставить одобряемые образцы, которые пришлось бы изготавливать в массовом порядке. Такой возможностью духовная консистория явно не обладала. Во-вторых, нередко торговля осуществлялась нелегально. Более или менее поддающейся надзору стала лишь продажа икон в центре губернского города, буквально на пороге соборного храма Олонецкой епархии. В многочисленных приходах процветала нелегальная торговля, следствием которой стало распространение упрощенных, дешевых и доступных небогатым верующим изображений. Приходские храмы постоянно пользовались поддержкой верующих, которые жертвовали деньги на строительство часовен и церквей, содержали духовенство, покупали иконы и другие предметы богослужебного обихода. Среди многообразного церковного имущества иконы занимали особое положение. Они относились к числу наиболее распространенных и неотъемлемых частей не только церковного убранства или интерьера крестьянской избы, но и повседневной жизни крестьян, что позволяло сохранить память как о событиях далекого прошлого, библейской истории, так и о недавнем, минувшем моменте в жизни отдельного индивида, деревни, страны.

Список сокращений

НА РК — Национальный архив Республики Карелия;
ОЕВ — Олонецкие епархиальные ведомости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров Н. Сборник церковно-гражданских постановлений в России, относящихся до лиц православного духовенства. — СПб., 1860.
2. Александро-Свирское братство Олонецкой епархии в 1911–1913 гг. // ОЕВ. — 1914. — № 1.
3. Балов А. Следы древних верований в народном иконопочитании // Живая старина. — 1891. — Т. 1. — № 3.
4. Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. — СПб., 2005.
5. Вениамин (архиепископ). Новая скрижаль. Полное объяснение всех церковных служб, обрядов, молитвословий и предметов церковного обихода. — СПб., 1909.
6. Венустов И. В. Перенесение святой иконы преп. Александра Свирского Чудотворца из г. Петрозаводска в Веш-кельский приход // ОЕВ. — 1915. — № 31.
7. Вещезеров А. Освящение придела во имя св. и чуд. Николая в Чуриловском приходе, Вытегорского уезда // ОЕВ. — 1911. — № 7.
8. Волокославский А. Соединенный крестный ход 8 приходов 17-го благочиннического округа Олонецкой епархии к Параскевинской приписной церкви Тудозерского прихода Вытегорского уезда 17 и 18 июля // ОЕВ. — 1914. — № 26.

9. Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1911–1912 гг.— СПб., 1913.
10. Георгиевский Н. Икона Казанской Божией Матери — дар запасных нижних чинов Вытегорского уезда, в Мар-ковский храм // ОЕВ.— 1906.— № 1.
11. Докучаев-Басков К. А. Церковно-приходская жизнь в городе Каргополе в XVI–XIX вв.— М., 1900.
12. Дурьилин С. Древнерусская иконопись и Олонецкий край.— Петрозаводск, 1913.
13. Из постановлений благочиннического съезда Олонецкой епархии, бывшего в г. Каргополе // ОЕВ.— 1900.— № 7.
14. Илюха О.П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX-начале XX в.— СПб., 2007.
15. Крестный ход в Челмужском приходе Повенецкого уезда 25–26 мая 1914 года // ОЕВ.— 1914.— № 25.
16. Лепяхин В. Икона и иконичность.— Сегед, 2000.
17. Листова Т. А. Религиозно-общественная жизнь: представления и практика // Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века.— М., 2004.
18. Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья.— СПб., 1993.
19. Местная епархиальная хроника // ОЕВ.— 1900.— № 4.
20. НА РК. Ф. 1. Оп. 10. Д. 71/34.
21. НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 60/1.
22. НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 9/96.
23. НА РК. Ф. 25. Оп. 4. Д. 43/22.
24. НА РК. Ф. 25. Оп. 8. Д. 3/11.
25. НА РК. Ф. 25. Оп. 8. Д. 7/3.
26. Надпорожский П. Гимольский приход, Повенецкого уезда // Там же. 1900. № 6.
27. О пожертвованиях, поступивших в церкви епархии // ОЕВ.— 1912.— № 1.
28. О содержании поселянам в домах их святых икон в чистоте» // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания. Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны.— СПб., 1907.— Т. 2.— № 619.
29. Об обязательности для православного христианина особенного почитания того святого, имя которого он носит, и приобретения его иконы // ОЕВ.— 1915.— № 33.
30. Островский Д. Село «Видана» // ОЕВ.— 1900.— № 12.— С. 460.
31. П. Мошинский приход, Каргопольского уезда // ОЕВ.— 1907.— № 3.
32. Пашков А. М. Шелтозерье конца XIX в. глазами В. В. Витковского // Историко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни местного сообщества.— Петрозаводск, 2008.
33. Плаксина Н. Е. Сведения об иконописцах и резчиках Великого Устюга по документам церквей Яренского и Усть-Сысольского уездов Вологодской губернии (первая половина XIX в.) // Историко-культурное наследие Русского Севера. Проблемы изучения, сохранения и использования: Материалы IX Каргопольской научной конференции.— Каргополь, 2006.
34. Платонов В. Г. Иконостас церкви св. Варвары в деревне Яндомозеро // Народное зодчество. Сборник научных трудов.— Петрозаводск, 1992.
35. Постановление Олонецкого Епархиального начальства (от 4–10 мая за № 128) // Там же. 1907. № 14.
36. Скворцов В. Из жизни петрозаводских духовно-учебных заведений // Там же. 1900. № 13–14.
37. Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел. Конец XIX-начало XX в.— Л., 1985.
38. Тарасов О. Ю. Икона и благочестие. Очерки иконного дела в императорской России.— М., 1995.
39. Цеханская К. В. Иконы в жизни русского народа.— М., 1998.

40. Цеханская К. В. Иконы в народной жизни // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв.: Итоги этнографических исследований.— М., 2001.
41. Червякова Н. В. «Вера крещеная» и «заветная» земля: чему и как поклонялись водлозеры // Национальный парк Водлозерский: природное разнообразие и культурное наследие.— Петрозаводск, 2001.
42. Шайжин Н. Слава святителя и чудотворца Николая в Олонецком крае.— Петрозаводск, 1909.
43. Шенникова Л. А. Силы небесные: иконография и литургические тексты // Восточно-христианский храм. Литургия и искусство.— СПб., 1994.
44. Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература: В 2-х тт.— М., 2002.— Т. 1.
45. Ямщиков С. В. Древняя живопись Карелии.— Петрозаводск, 1986.